

УДК 640.4
ББК 65.432
М24

Маньолов, Павел Владимирович.
М24 Путешествия как искусство / Павел Маньолов. — Москва : Эксмо, 2019. — 224 с.

ISBN 978-5-600-02488-5

Павел Маньолов — заядлый путешественник, для которого исследование новых стран давно стало не просто хобби. Для него это искусство. Показывая уже давно открытые места под другим углом, он рассказывает о них с чувством и пониманием и передает волнующую атмосферу самых роскошных отелей в мире. Почему именно отели?

В этой книге Павел рассказывает об отелях, которые сами по себе являются произведениями искусства. О тех гостеприимных домах, где можно поразиться архитектурой трехвекового здания, где можно увидеть уникальную коллекцию живописи или фарфора, где интерьеры сами по себе представляют историческую и эстетическую ценность и где можно прочувствовать само течение жизни. В этом безумном приключении вас ждут московский «Метрополь», мадридский «Ритц», сингапурский «Раффлз» и многие другие удивительные места, наполненные жизнью и историей.

УДК 640.4
ББК 65.432

ISBN 978-5-600-02488-5

© Маньолов П.В., текст и фото, 2019
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Содержание

Савва Мамонтов	
Метрополь	4
Националь	
Москва	24
Раффлз	
Сингапур	40
Астория	
Санкт-Петербург	58
Палаццо Тритти	
Венеция	74
Ритц	
Мадрид	92
Вилла Елена	
Дьета	110
Слушная тишину	
Сицилия	128
Шанель	
Франция	196

Сабва Мамонтов
Метрополь

Модели: ПАВЕЛ МАНЫЛОВ, КСЕНИЯ КЕРН
Фотографы: ИГОРЬ ПАНКОВ, АННА ВАСИЛЬЕВА, ОЛЬГА КОБЫЗЕВА

*Надо приуготить глаз народа к красивому
на вокзалах, в храмах, на улицах...*

С. И. МАМОНТОВ

Утром в Москве было необычайно ясно и солнечно, но в небольшом домике рядом с Бутырской Заставой все окна были зашторены, и яркий свет с улицы, ткнувшись в окна и не найдя входа в дом, устремлялся дальше по улице. Савва Мамонтов работал. Он лепил Верочку и, постоянно меняя стеки, оставался недоволен тем, что у него получалось. Сегодня Савва Иванович не выходил из дома и, увлеченный новой работой, был полностью пленен тем азартом настоящего ху-

2

В Абрамцеве уже был вечер, когда скромный экипаж Мамонтова, скрипя полозьями по свежеснеженному снегу, остановился возле главного дома. Савва бывал здесь все реже и реже, и не потому, что был больше занят в Москве, а оттого, что ему было тяжело от воспоминаний о той былой жизни в Абрамцеве, когда вся усадьба светилась неповторимым светом и каждая минута до краев была наполнена творчеством, семейным счастьем и дружеским теплом. Да и по правде ска-

дожника, который поглощал его и не давал никаким другим помыслам потревожить работу. Уже давно забылся суд, и теперь горечь и неприятность его положения сменились долгожданным покоем и возможностью заниматься исключительно любимым делом.

Дело прервал стук в дверь, и, чуть раздраженно бросив инструменты на стол и накинув шелковый халат, Савва поспешил к входной двери.

Дворник Архип, как всегда долго отряхиваясь от смущения и стесняясь войти, сообщил барину, что пришла весть из Абрамцева о письме из Парижа, которое дожидалось его в имении. В былые годы Савва Иванович получал корреспонденцию, на прочтение которой тратил около часа ежедневно, а теперь столь редкое послание, да к тому же из Парижа, было чем-то необычным и могло сулить как неприятности от кредиторов, так и долгожданную весточку от старых друзей. Он распорядился об экипаже, аккуратно прибрал инструменты и, наспех одевшись, отправился в имение.

зять, встречи и пребывание рядом с Елизаветой Григорьевной были ему в тягость.

Не отпуская извозчика и планируя тотчас вернуться в Москву, Мамонтов поспешил к себе в кабинет за письмом. Домашних в доме не было, обрадовавшись этому обстоятельству и чуть успокоившись, Савва присел за письменный стол и стал искать нужное письмо в стопке бумаг, накопившихся с его последнего визита.

Найдя нужное письмо, он не стал вскрывать его сразу, а, проверив остальную корреспонденцию и не найдя ничего важного, задумчиво откинулся в кресле. Прикрыв глаза, Савва

расслабился и только сейчас почувствовал, что не может пошевелиться, устав от долгой дороги, и лишь открытая форточка, чуть хлопая от легкого ветра, нарушала тишину, в которую погружился хозяин этого дома...

Как будто живые, зазвучали голоса Лизы и детей, и весь дом и двор наполнился веселым смехом вперемешку с громким пением Феди Шаляпина, проносясь над имением и завлекая в свои гостеприимные двери все новых и новых гостей. Дети с Еленой Паленовой раскрашивали фигурки из глины, Серов писал Веру с персиками из абрамцевского сада, Коровин

и Васнецов рисовали декорации и афиши к вечернему спектаклю, а сам Мамонтов, только закончив незатейливую пьесу, с подлинной страстью режиссера спорил с друзьями о роли каждого в будущей постановке. Шаляпин, тогда еще смущенный авторитетом мэтра молодой человек, каждый раз соглашался с видением своей роли и, благодарно принимая место ученика, внимал всем советам и хитростям Саввы Ивановича, учившегося когда-то пению в Милане.

Михаил Врубель, как всегда по-хорошему сумасшедший, постоянно пропадал в керамической мастерской, он работал над изразцами для строившейся церкви и то и дело выбегал похвастаться новым получившимся цветом.

Савва очнулся, и ветер, окончательно отворив форточку и проникнув в кабинет, как будто напоминая о новом письме, чуть разметал, шелестя, оставшиеся на столе бумаги.

«Милый мой друг, Савва Иванович!

Безмерно счастлива написать Вам о том, что наконец имею возможность принять Ваше приглашение и поздравить с открытием Вашего детища. «Метрополь» все-таки открыт, и я, бросив все дела, спешу увидеть вновь созданный шедевр и Вас, не имея права отказать себе в этом.

Как жаль, что не могла видеть Вас на Парижской выставке и все эти годы искала повода для поездки в Россию и встречи с Вами.

Я слышала о крайне неприятных для Вас обстоятельствах, и пусть Ваше нынешнее положение никак не тревожит Вас, поскольку желание видеть Вас не зависит от статуса и Ваших нынешних возможностей.

Я прибываю из Парижа 17 октября и надеюсь поселиться в «Метрополе». Надеюсь, что Вы будете в эти дни в Москве и самолично покажете мне этот, без сомнения, лучший отель, гением и создателем которого Вы являетесь.

Ваш друг, Клеопатра Диана де Мерод».

Савву потрясло это письмо. Можно было ожидать чего

угодно, но не этой невероятной радости. Повинуясь первому впечатлению, он выбежал из дома и, уже окликнув извозчика, остановился. Тень тревоги и сомнения легла на его лицо, и, опустив голову, он пошел тихим шагом по Аксаковской аллее.

С Клео они познакомились около десяти лет назад в Италии. Тогда ей было чуть больше двадцати, в то время как он был хоть и значительно старше ее, но в том самом возрасте, когда года говорят еще о мужской зрелости, но не о старости.

Дочь художника из голландского аристократического рода,

она была удивительно талантливой танцовщицей, с одной стороны, и необычайно привлекательной девушкой — с другой. Савва, в свою очередь, находящийся на пике карьерного роста строитель железной дороги, владелец чугунолитейных и горнорудных предприятий, вагоностроительного завода и домостроительных обществ и в то же время тонко чувствующий и понимающий как никто из дельцов искусство, основатель первой частной оперы в России, был пленен ее красотой и талантом. Он неоднократно делал ей предложения о поездке в Россию и приглашал принять участие в постановках его частного театра, обещав поставить

для нее не только оперу, но и отдельные сольные партии. Тогда Мамонтов получил отказ, но они сдружились, периодически переписываясь, и однажды Савва даже помог Клеопатре в одном щекотливом деле, когда та приезжала в Петербург.

Он ждал ее положительного ответа все эти годы и вот сейчас, будучи разорен и оставшись владельцем небольшого керамического завода, прибыли от которого едва хватало на жизнь, так и не ставши строителем и хозяином своей мечты, своего детища «Метрополя», Савва Иванович Мамонтов засомневался.

«Кто я теперь? И чем могу быть ей полезен?» Он присел на край одной из скамеек и, упершись лбом о руки, сложенные на ручке трости, задумался. «Тогда я блистал и был ей покровителем, а сейчас Клео, «царица красоты», как написал «Иллюстрасьон», возлюбленная бельгийского короля Леопольда Второго, сама могла бы быть мне и кредитором, и проводником в высший свет».

Но Савве это было не нужно, и, более того, это обстоятельство тяготило его. Он всегда был щедр, умел и любил ухаживать, а сейчас не мог предложить ей того, что Клеопатра заслуживала. Встав со скамейки, он медленно пошел к извозчику, прислушиваясь к себе и размышляя о том, стоит ли ему встречаться с Клеопатрой или сделать вид, что письма не было.

3

17 октября 1905 года роскошный экипаж, запряженный парой липицианских лошадей, остановился у парадного входа в гостиницу «Метрополь». Мгновенно подскочивший швейцар азиатской наружности в темно-зеленом мундире открыл дверцы, откинул ступеньку и пригласил пассажиров к выходу.

Савва Иванович сиял! Отбросив все сомнения, он решил лично встретить Клео и показать ей лучшую гостиницу Москвы. Сойдя с экипажа, они двинулись вдоль «Метрополя».

Савве было приятно восхищение Клеопатры, и он, не торопясь, исподволь рассказывая о каждом камне на фасаде гостиницы, повел ее вокруг здания.

— Здесь очень красиво! — она взяла Савву под руку и заглянула ему в глаза.

— Не все получилось, как я задумал, но многим я могу гордиться, — подняв трость, он провел ей по воздуху, как будто циркулем обводя невероятной красоты фасад здания.

В одно мгновение у нее загорелись глаза и вспыхнул румянец. Тончайший, изысканный барельеф поражал воображение и одновременно смущал своей откровенной пластикой

и эротичностью, заставив Клеопатру пристально смотреть, а затем смущенно отвести глаза.

— Не правда ли, как будто линии рассыпанной на подушке упругой пряди волос молодой женщины, — Савва Иванович, заметив интерес Клео, стал дальше показывать остальные элементы фасадов здания.

— Эти барельефы «Времена года» создал Николай Андреев. Клео, посмотрите на ограждения балконов. Неужто они не восхитительны? Каков рисунок! Его создал блестящий рисовальщик Мариан Перетяткович.

— Савва Иванович, то, что я вижу, — поразительно! Какое тонкое смешение стилей!

— Да, душа моя, вы абсолютно правы. Я называю это «Совокупное художественное произведение». Что-то вроде театрализованного представления с постоянной сменой декораций.

Они шли дальше, и Клеопатра зачарованно рассматривала невероятной красоты панно на верхних частях фасадов. «Принцесса Греза» Михаила Врубеля и другие невероятные

сюжеты словно приглашали в театр, рассказывая о множестве спектаклей, которые разыгрываются в этом уникальном музее под открытым небом.

— Савва, что это? Как будто какая-то надпись, но разобрать я не могу, — Клеопатра остановилась и, чуть прищурив глаза, пыталась прочесть то, что было написано на фасаде.

— «Окончив постройку дома, замечаешь, что научился кое-чему». Это Фридрих Ницше. «Что следовало знать, приступая к работе», — Савва чуть в задумчивости поднял голову и, глядя на самый верх здания, продолжил: — «Вечное печальное “слишком поздно”! Меланхолия всего законченного!.. Всякого рода обиды и лишения легче переносятся низменной и грубой душой, чем душой знатной: опасности, грозящие последней, должны быть больше, вероятность, что она потерпит крушение и погибнет, при многосложности ее жизненных условий, слишком велика. У ящерицы снова вырастает потерянный палец, у человека — нет».

— Савва, я прошу вас, не печальтесь! Я знаю о ваших неприятностях и готова помочь чем угодно, только скажите. — Клео взяла в руки его ладонь и, повернувшись к нему лицом, озарила его своей очаровательной улыбкой.

— Спасибо, милая Клео! Мне очень приятны ваша забота и участие. Я в полном порядке, и единственное, о чем жалею, это о том, что не успел осуществить все свои планы в искусстве и не дал людям всего того, что мог бы дать.

— Вы великий человек, и я горжусь, что знакома с вами. — Она снова взяла его под руку и повела в обратную сторону.

— Клео, перестаньте! — Он улыбнулся и, чувствуя подъем настроения, вызванный ее теплым к нему отношением, поспешил увлечь свою спутницу в сторону парадного входа.

Они вошли в фойе гостиницы, Мамонтов усадил Клео за столик в кофейне, а сам пошел распорядиться насчет размещения. Быстро уладив все формальности, он вернулся в необычайно красивый зал, где за столиком возле широкого окна его дожидалась необычайно очаровательная девушка.

— Вы голодны? До ужина еще далеко, мне кажется, нам стоит перекусить, — Савва окликнул официанта и, заказав

